

Б.Ф.Мартынов

Латинская Америка: новое время, новые перспективы

В статье рассматривается новый период в мировой политике, в который страны Латинской Америки вступают вслед за всем остальным миром. Этот период будет характеризоваться нестабильностью, повышенной информационной проницаемостью и вступлением в активную политическую жизнь ранее мало активных социальных слоев. В этих условиях государства региона вне зависимости от «правой» или «левой» ориентации их руководства приобретут новый вес и значение для интересов России.

Ключевые слова: переходный период в мировой политике, российско-латиноамериканские отношения.

2016 год в странах Латинской Америки был отмечен завершением длительного цикла, начавшегося после прихода к власти в Венесуэле Уго Чавеса (1999 г.) и охватившего в той или иной форме многие государства этого региона (так называемый левый поворот). Завершение политического цикла совпало по времени с завершением экономического, когда после успешного периода 2003—2013 гг. наступил новый этап, характеризующийся падением темпов экономического роста. Основными причинами нынешних трудностей латиноамериканских стран стали нарастание кризисных явлений в мировой экономике и окончание в 2013 г. эпохи так называемого золотого десятилетия, которую отличали высокие цены на сырье, в первую очередь в Китае.

Завершение «сырьевого цикла», связанное с переформатированием стратегии экономического развития Поднебесной, сильнее всего отразилось на крупнейшей экономике региона и главном интеграторе южноамериканского политического пространства — Бразилии. События 2013—2016 гг. в этой стране показали необходимость срочного решения целого комплекса проблем, накопившихся в ее финансово-экономических и внутривнутриполитических делах. К концу первого десятилетия нового века стало более или менее ясно, что Бразилия, как и большинство других ведущих государств региона, вступает в новый этап своей истории, конкретные черты которого сейчас еще довольно трудно предугадать.

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений и внешней политики РФ Университета МГИМО (bfmartynoff@gmail.com).

Впрочем, пестрая мозаика политических, экономических и социальных проблем, отображающая состояние дел в Латинской Америке, в той или иной степени свойственна и всему миру. «2016 год ознаменовал исчерпание 70-летнего периода международных отношений, который состоял из двух стадий — холодная война 40-х — 80-х годов и переходное время после распада Советского Союза. Мир стоит на пороге новой парадигмы»¹.

Создается впечатление, что уход из жизни в конце 2016 г. Фиделя Кастро — последнего харизматического лидера прошедшего века — обнажил острую потребность в новых глобальных лидерах, носителях оригинальных идей, которые смогли бы реально, а не на словах, содействовать переустройству мирового порядка. И в этом смысле можно принять дерзкую мысль о том, что, по аналогии с XX в., который, по мнению многих именитых историков, начался только в 1914 г., XXI в. тоже «по-настоящему» начинается только сегодня.

Новое активно стучится во все двери. И, как ни парадоксально, некоторые его признаки носят общий характер даже для таких далеких друг от друга географических ареалов, как Россия и страны Латинской Америки. В самом деле, если популярный слоган «Россия развивается не благодаря, а вопреки» принят в нашей стране за некую данность, то он не менее справедлив и для «Тропической России», как называл однажды Бразилию один из ее бывших президентов.

Распространенный в нашей стране в начале 90-х годов XX в. неолиберальный тезис: «у нас есть нефть и газ, все остальное купим», подсадил нас на нефтяную «иглу» и почти поставил крест на промышленном и научно-техническом развитии России, обрекая ее на вечно подчиненную роль в мировой политике. Не секрет, что во многом благодаря западным санкциям этот тезис стал у нас, наконец, изживаться и теперь уже маловероятно, чтобы он когда-нибудь смог возродиться.

Политика активного импортозамещения, предпринятая большинством латиноамериканских стран еще в начале 60-х годов прошлого столетия (вопреки тем, кто обрекал их на сырьевую ориентацию), при всех известных «перегибах» имела в активе одно: ряд ведущих государств — прежде всего Бразилия, Мексика, Аргентина и Чили — сумели уже в следующем десятилетии выйти на стадию индустриализации. Это создало серьезный задел для их ускоренного экономического и научно-технического развития и заложило основу для проведения ими более независимой (в первую очередь от США) внешней политики, первые шаги в которой отмечаются как раз в 70-е годы. Кстати, именно тогда в ответ на санкции Вашингтона в отношении бразильского и прочих военных режимов за «нарушение прав человека», Бразилия начала развитие собственного ВПК, уже в 80-е сделавшего ее одним из ведущих экспортеров вооружений. Развитие «вопреки» заложило основы бразильского авиа- и судостроения и вывело ее в разряд индустриально развитых государств.

К 2012 г. крупнейшее государство Латинской Америки превратилось в *седьмую экономику мира*. Бразильцам удалось развить у себя такие высокотехнологичные отрасли, как автомобилестроение, химическая промышленность, биотехнология и фармацевтика. Страна вышла в мировые лиде-

ры в области глубоководного бурения и производства биотоплива. В 2006 г. экспорт технологически емкой продукции впервые превысил экспорт традиционных товаров — продовольствия и сырья. Бразилия зарекомендовала себя как бесспорный региональный лидер, приняв активное участие в создании Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), Союза южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur), Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC) и Южноамериканского совета обороны. Войдя в BRICS и «Большую двадцатку», страна готовилась стать новой «великой державой» XXI в. и постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Разительные перемены затронули и социальную сферу бразильского общества. Благодаря «связанным» социальным программам за два срока пребывания у власти левоориентированному правительству Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) во главе с Луисом Инасиу Лулой да Силвой удалось существенно снизить уровень бедности: ряды среднего класса пополнили более 30 млн бразильцев. При этом влившийся в бразильское общество так называемый новый средний класс, как это показали последующие события, отличался не только повышенной социальной мобильностью, но и — как следствие быстрого восхождения по социальной «лестнице» — *завышенными потребительскими ожиданиями*.

Примерно те же процессы происходили и в других странах «левого поворота» — Венесуэле, Аргентине, Боливии, Эквадоре и Никарагуа. В конечном счете, они, казалось, давали окончательный ответ на вопрос о выборе Латинской Америкой своей автохтонной политической и социально-экономической модели развития.

Впрочем, реальность, как всегда, оказалась богаче. Уверенно сказать, к *сожалению* или, наоборот, к *счастью*, нам мешает предпосланный выше тезис о развитии *вопреки*.

Высокие доходы от экспорта, способствовавшие наполнению госбюджетов, давали странам «левого поворота» возможность осуществлять масштабные социальные проекты и укреплять международные позиции. Слова У.Чавеса: «Дешевой нефти больше не будет!», на первый взгляд, позволяли ему не только не заботиться о наполнении госбюджета Венесуэлы, но и поддерживать поставками нефти по льготным ценам функционирование интеграционной структуры — Боливарианского альянса для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA). Падение цен на нефть сопровождалось тяжелым социально-экономическим кризисом, вынудив правительство Николаса Мадуро бороться с ростом общественного недовольства и изыскивать новые пути для решения таких проблем, как бедность, поляризация общественной жизни и высокий уровень преступности.

В Бразилии социальные программы PT стали косвенной причиной того, что экономика страны, несмотря на серьезный задел в плане передовых технологий, так и осталась преимущественно аграрно-сырьевой. Стремление ради валютной выручки наращивать экспорт сырья и продовольствия вновь развернуло структуру бразильского экспорта в сторону товаров с низкой добавленной стоимостью. Сокращение спроса на сырье в Китае и

падение мировых цен на продовольствие расшатало бюджет* и серьезно сказались на объемах внутреннего инвестирования. Общая анархизация мировой политики на фоне возросшей непредсказуемости действий ее основных акторов негативно влияла на объемы внешнего инвестирования. Ряд отраслей обрабатывающей промышленности Бразилии лишился инвестиционной подпитки, а экономическая экспансия Китая на латиноамериканском рынке готовых изделий привела к частичному вытеснению страны, в том числе и с такого «родного» для нее рынка, как Mercosur.

На фоне обострившихся социальных проблем (роста безработицы, повышения цен на транспорт и социальные услуги) в Бразилии, начиная с 2013 г., отмечался резкий рост социальной напряженности, который вылился в массовые манифестации на улицах крупнейших городов. «Новый средний класс», которому недавно дали почувствовать «вкус к жизни», теперь вновь ощутил свою уязвимость и вышел на массовые протесты.

Приметой не только Бразилии, но и многих других стран стала *повышенная психологическая уязвимость* широких слоев населения, связанная с их *возросшей информированностью*. Всепроникающие СМИ задали людям такую высокую планку потребления, стремиться к которой стало для многих смыслом существования. Под влиянием информационных шаблонов эти люди демонстрируют повышенную готовность к перемене мест, занятий и социальных статусов. Они негодуют всякий раз, когда кто-то или что-то угрожает их мечтам о растиражированном «счастье».

Экономические трудности и социальные протесты свели на нет всякие надежды на продолжение «суперуспешной» политики первых двух правительств Л.И.Лулы да Силвы. Его преемница Дилма Руссефф, победно избравшись на президентский пост в октябре 2010 г. и с трудом переизбравшись на второй срок в 2014 г., была отправлена в отставку в результате импичмента в августе 2016 г.

Бывший вице-президент, Мишел Темер, заняв президентское кресло, сразу же пошел на принятие мер жесткой экономии и сокращение социальных программ. Это укрепило позиции тех, кто заговорил о закате «левого поворота» после победы на выборах в Аргентине в конце 2015 г. кандидата от «правых» — Маурисио Макри и оппозиционных сил на парламентских выборах в Венесуэле.

Ситуация *действительно* начала меняться, хотя трактовать эти перемены все, в основном, предпочитали по-прежнему. «Правые», не дождавшись окончательного ухода «левых», стали праздновать «торжество демократии». «Левые», стараясь не замечать собственных провалов (что не менее характерно и для «правых») привычно заговорили о «конституционных переворотах» и «цветных революциях». Опять-таки — *старая песня*.

* Если к самой идее борьбы с бедностью в Латинской Америке вопросов нет, то они есть к *методам*, с помощью которых она осуществлялась. Все «левые» правительства, так или иначе, финансировали социальные программы из госбюджетов, практически не привлекая к этому национальный частный капитал, который, казалось бы, должен быть не меньше правительств заинтересован в создании нового среднего класса. Особенно разительным был пример Бразилии, где крупные частные корпорации, приобретшие статус «translatinas», например, «Camargo Corrêa», «Odebrecht» и т.д. не несли практически никакой социальной ответственности за состояние дел внутри собственной страны.

Понятно, что Вашингтон не может быть «нейтрален» в отношении тех, кто годами вставляет палки в колеса его латиноамериканской стратегии. Но куда девать ошибки и промахи самих «левых»? Их, мягко говоря, «небрежное» отношение к экономике, «снисходительное» (порой, даже «участливое») — к коррупции*, «остаточное» — к проблемам реформирования политических систем и пр. и пр.? Конкретным «минусом» для Бразилии было затягивание назревших реформ в налоговой и финансовой сферах. Новые антикоррупционные законы слишком долго ждали своей очереди. Они были приняты, что называется, по «горячим следам», в самый разгар коррупционного скандала в Государственной нефтяной компании страны (Petróloes del Brasil, Petrobras) и уже не смогли спасти ситуацию. Давно назрела и уже «перезрела» реформа партийной системы. Не будем забывать, однако, что парадигма развития *вопреки* предполагает не посыпание головы пеплом или поиск виноватых вокруг да около, а *извлечение максимума полезного из сложившейся ситуации*.

Уроки последнего десятилетия доказывают, что в условиях практически *полной и абсолютной информационной проницаемости мира и включения новых социальных слоев в активную политическую жизнь*, избыточная идеологизация, популистская риторика, расчет на авось, надежда на личную харизму и т. д. должны уступить место профессионализму, аккуратности в делах и трезвому осознанию того, что глобальная информационная среда не прощает ошибок. Особенно тем правительствам, которые не хотят вписываться в неолиберальный мейнстрим.

О посыпании головы пеплом — особо. Еще не ушли с политической сцены боливарианские правительства, как сразу послышались разговоры о «*правом повороте*». «Наши» либералы с изрядной долей издевки предложили России начать «сворачивать» связи со странами региона. Как будто Россия — это «левая» страна! Вольно или невольно им подыгрывают те, кто непременно хочет видеть в новых президентах Бразилии и Аргентины таких «прожженных агентов американского империализма».

Но мир давно уже перестал делиться на «правых» и «левых» (у меня есть большие сомнения в том, что он делился так когда-нибудь *вообще*). Насколько «левыми» можно считать «социалистов» Тони Блэра или Франсуа Олланда, всей душой отдававшихся обслуживанию интересов глобальной сверхдержавы? Чем их политика отличается от политики «правой» Ангелы Меркель? Как далеко политика «демократа» Барака Обамы отстояла от курса «республиканца» Буша-младшего? Насколько «правыми» можно считать отстаивающих *национальные* интересы Дональда Трампа или Марин Ле Пен? Нынешний президент Перу Педро Пабло Кучински, ранее выдававший себя горячим сторонником либеральной экономики, а ныне приветствующий социальную функцию государства, он, все-таки, кто: «левый» или «правый»? Кого считать «правыми» в России: завзятых либералов-западников или радикальных националистов? А ведь и те, и другие активно присутствуют в ее политическом спектре...

* Обвинения в коррупции были выдвинуты против президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер и против некоторых высокопоставленных деятелей режима Чавеса — Мадуро в Венесуэле.

Похоже, что водораздел между современными политиками и политическими течениями устанавливается не в привычном «право-левом» диапазоне, а по линии «национальное» — «глобальное», причем наиболее *идеологизированным* (т.е. требующим *минимума* профессионализма!) выступат *либерал-глобалистский* нарратив.

О Латинской Америке разговор, как всегда, особый. Нам уже не раз доводилось писать о том, что страны этого региона попали в своеобразную историческую ловушку². В XIX в. они некритично восприняли идеалы того общества, которое незадолго до их формирования как независимых государств сложилось на Севере, чем и обрекли себя на подражательное, *изоморфичное* развитие. С того времени и по сию пору методом проб и ошибок они как «становящаяся» (но, очевидно, пока еще не «устоявшаяся») цивилизация ведут поиск собственной, *латиноамериканской* модели экономического и социально-политического развития. На протяжении всего минувшего столетия демократические режимы там почти в унисон сменялись военными, потом, так же волнообразно все возвращалось на круги своя. Государственный дирижизм импульсно чередовался с принятием правил свободного рынка, популистская риторика уступала место консервативной и наоборот, а воз системных проблем оставался все там же, пока, наконец, не пришел Чавес и не бросил клич: «Назад, к Боливару!».

Стихийный доселе процесс стал более *осознанным*. Но поиск «своего» не остановился на *Боливарианской Республике* с ее новыми властными структурами и новым (или слегка подзабытым старым?) бесконечным продлением полномочий президента: *слишком, уж, тяжелой оказалась инерция прошлого!* Поиск продолжился. Только если раньше коррекции подвергались издержки неолиберальной модели, то теперь новые лидеры в Бразилии и Аргентине приступили к исправлению издержек «левых»...

Если подходить к делу с традиционным набором право-левых «отмычек», то можно было бы сказать, что маятник политической жизни в Латинской Америке, действительно, качнулся «вправо». Но как далеко он отклонится в обратную сторону в следующий раз (а мы почти уверены, что и новая «коррекция коррекции» не за горами), будет зависеть не столько от идеологий или благих намерений, сколько от *профессиональных качеств* новых лидеров, приходящих во власть. Поэтому не стоит спешить и делать необоснованные прогнозы. Только, вот, причем здесь *внешняя политика*, а если более конкретно — отношения с Россией?

Приметой нового стала *общая предсказуемость внешней политики* латиноамериканских стран. Об их возвращении назад, на сервильные позиции в отношениях с США не может идти речи. Ведь даже если начать разбираться в истории межамериканских отношений не с точки зрения все той же «лево-правой» логики, а принимая в расчет *национальные интересы* латиноамериканских государств на разных этапах их исторического развития, то и картина знаменитого «заднего двора» уже не покажется нам, как ранее, исключительно черно-белой!

Сегодня, когда экономическая привязка латиноамериканских стран к Соединенным Штатам ослабла «в разы» (главным внешнеэкономическим

партнером Бразилии, Перу и Чили стал Китай), вариант их возврата в лоно панамериканизма (где им всегда было «тесновато»!) практически исключен. При всех трудностях политического и экономического характера, с которыми Бразилии и Аргентине, возможно, еще предстоит столкнуться, перспектива пересмотра ими основ своих внешних политик не рассматривается. Бразилия не собирается выходить из BRICS. Аргентина не оставляет требования вернуть Мальвинские острова. Никто не хочет сворачивать сотрудничество с Китаем, Россией или Кубой, подключаться к антироссийским санкциям, предоставлять американцам военные базы на своих территориях. Ни одна из стран региона не отказывается от идеи многополярного мира, примата международного права, признания центральной роли ООН и пр., и пр. Так почему бы России не начать рассматривать сотрудничество с Латинской Америкой уже не как удобное взаимодействие от случая к случаю (и почему-то, в основном, с «левыми» правительствами), а как часть *долгосрочной внешнеполитической стратегии*?

Близкое или одинаковое понимание Россией, Бразилией и другими странами Латинской Америки причин и последствий таких проблем, как терроризм и исламский фундаментализм, незаконная миграция, наркоторговля, бедность, голод, эпидемии, преступность, разбалансированность международных отношений и пр. подкрепляется озабоченностью сохранения суверенитета над природными ресурсами, что отражается в их доктринах и концепциях национальной безопасности³. Нам уже не раз доводилось писать об огромном и до конца еще не использованном потенциале нашего сотрудничества в политической сфере и в области международного права⁴. Однако сегодня, в условиях возрождения некой «эйфории ожидания» в наших отношениях с США, не грех будет, наверное, повториться*.

Перемещение Латинской Америки на шкале региональных приоритетов России с последнего места на предпоследнее, перед странами Африки, в Концепциях внешней политики (КВП) РФ 2013 и 2016 гг. погоды не делает. «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться», — говорилось в КВП РФ 2016 г.⁵. Исходя из этого посыла, можно прийти к мысли о том, что всякое иерархическое деление стран или регионов по признаку их большей или меньшей «важности» для России давно устарело и нуждается в пересмотре. Оно обрекает внешнюю политику РФ на выжидательность и следование в хвосте событий вместо конструктивного воздействия на них. Исходя из интересов России, думается, что важнее, все-таки, выделять *проблемы*, в решении которых ей могут помочь те или иные страны и регионы.

С этой точки зрения, наверное, пора переоценить и распространенное по сию пору представление о глобализации как о победном шествии по пла-

* По «странному» стечению обстоятельств любая перспектива улучшения наших отношений с США и Западом в целом каждый раз влекла за собой деградацию российско-латиноамериканских отношений, будь то в конце 80-х — начале 90-х, либо в самом начале 2000-х годов. Я усматриваю в этом результат еще не до конца изжитого представления о Латинской Америке, как о чьем-то «заднем дворе» (см. выше).

нете либерально-демократического мироустройства, тяготеющего к всеобщему фритредерству. Уже сам по себе закат американской идеи Общеамериканской зоны свободной торговли (Area de Libre Comercio de las Américas, ALCA) в 2005 г. продемонстрировал сомнительность перспективы быстрого распространения режимов зон свободной торговли на внутри- и трансконтинентальные мегасвязи. «Сценарий «интеграции интеграций» относится к сфере благих пожеланий, попытка преждевременной реализации которых может иметь опасные последствия»⁶.

Сегодняшний мир тяготеет к протекционизму, а слово «глобализация», столь высоко котиrowавшееся в 90-е, начинает приобретать какой-то архаичный оттенок. Во всяком случае, мы можем констатировать отставание процессов торгово-экономической и политической глобализации от темпов углубления и разрастания *глобальных проблем*. Для политологов это означает лишь одно: геополитика, социология, право, социальная психология, антропология и культурология решительно выходят из тени экономики и требуют к себе особого отношения.

Какое же место в национальных интересах России при таком новом, «проблемном» раскладе могут занять страны Латинской Америки? Очевидно, что далеко не последнее. Из списка проблем заранее следует исключить вопросы поддержания ядерной стабильности, как удел исключительного сотрудничества/соперничества ядерных держав. Вопросы торгово-экономического и научно-технического сотрудничества также, наверное, не будут занимать первоочередного места: здесь большее значение для России традиционно имели и будут иметь страны бывшего СССР, Западной и Восточной Европы, Китай. Хотя потенциал для сотрудничества с латиноамериканскими государствами по этим направлениям у нас, несомненно, есть, и его неплохо было бы использовать.

Но главное, конечно же, *не это*. Постоянно констатируемая близость в понимании нами и латиноамериканцами практически всех наиболее актуальных глобальных проблем, включая и проблему международного терроризма (о причинах этого нам доводилось говорить в ряде работ⁷), делает наше сотрудничество с Латинской Америкой *поистине уникальным*. В мире, где стабильность — дефицит, это сотрудничество должно вестись на постоянной основе и «невзирая на лица».

Политические институты XX в. переживают системный кризис. На смену благостным идеям о «конце Истории» и «Мировом правительстве», будоражившим умы в 90-е годы, приходят идеи национального содержания. Чем объяснить, что в самом начале XXI в. под завалами всей прошедшей истории неожиданно зашевелились давно похороненные Австро-Венгерская, Германская, Османская и Российская империи? Да и Британская — чемпион лицемерия и мастер войны чужими руками, — вроде бы, никуда не делась: просто ее центр переместился за океан. В Европе призраки старых коалиций еще только обретают плоть и кровь, а на Ближнем Востоке «война всех против всех» — в самом разгаре. Как избежать полно-

* Первый толчок из-под земли старого Германского рейха и его верной союзницы — Австро-Венгрии мы ощутили в 1992 г. после поспешного признания объединенной Германией независимости Словении и Хорватии. Стоило ли потом удивляться поддержке Германией Украины, где мотором так называемой «революции достоинства» выступали «западцы» — потомки выходцев из австрийской части Украины?

го демонтажа оставшихся несущих структур мирового порядка и предотвратить скатывание мира в анархию? Что придумать, чтобы их укрепить, а еще лучше — заменить новыми?

Увы, но Запад в этом деле нам *не помощник*. И не только в силу особенностей его *политической и правовой культуры*. Объединенная Европа вступила на полосу препятствий, в конце которой маячит угроза распада Евросоюза. США же, всегда относившиеся к международному праву, мягко говоря, прохладно, с приходом Трампа находятся на своеобразном перепутье между новым изоляционизмом и усилением глобализма. При этом Соединенные Штаты, естественно, останутся главным адресатом всех планов по переустройству мира: в лучшем случае — настороженно-нейтральным, а в худшем — агрессивно-враждебным. Они *никогда не будут помогать* в разработке таких планов: *ведь, англосаксонская политическая и правовая культура просто органически не приспособлена учитывать интересы других наций*.

Насколько реальным и практичным в таком случае может быть наше сотрудничество со странами Латинской Америки? О том, что оно может быть *востребованным и продуктивным*, нам говорит исторический опыт. Трудно переоценить роль латиноамериканских государств в мирном решении территориальных споров в своем регионе, в ограничении и сокращении вооружений, в создании «зон мира» и зон свободных от ядерного оружия, в челночной дипломатии и разработке норм морского права, правил предоставления дипломатического убежища и конвенционального запрета целых видов оружия (противопехотные мины).

Когда-то великий президент Мексики Бенито Хуарес (1861—1872) сказал: «Мир — это уважение права другого». К сожалению, географическая удаленность латиноамериканских стран от тех ареалов, где традиционно делалась «большая» мировая политика, до сих пор не позволяла им распространять свой ценный опыт по поддержанию мира и безопасности за пределы собственного региона. Однако «самый мирный континент Земли», несомненно, заслуживает лучшей доли. Теперь, когда его ведущие страны начали активно подключаться к глобальным политическим и экономическим процессам, их опыт может быть успешно применен для выстраивания основ нового мирового порядка.

Как это ни парадоксально, но все более реальным и практичным сотрудничество, о котором мы говорили выше, будет становиться *по мере обострения и драматизации всех вышеназванных глобальных проблем и возникновения новых*. Грустная практика всех человеческих обществ, хотим мы этого или нет, свидетельствует, что любые прекраснодушные планы, основанные не на чувстве *здорового самосохранения*, а на одних только *благих пожеланиях*, в девяносто случаях из ста отправляются в корзину. Это чувство заставляет человека трудиться и думать, не останавливаясь на достигнутом и стремиться к лучшему. Не призрак грядущего экономического достатка, а исключительно страх перед СССР вынудил давних исторических противников — Германию и Францию, объединить в 1951 г. свою угольную и сталелитейную промышленность и создать Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) — эмбрион будущего ЕС. Отсюда же закономерный итог: распад СССР вызвал нынешний кризис ЕС, и отчаянные попытки возродить былой стимул к консолидации и развитию

«объединенной Европы» с помощью новой «русской угрозы» в этом плане совсем не случайны, хотя и обречены на провал, поскольку этот страх насквозь фальшив и надуман*.

Бряд ли стоит замалчивать то обстоятельство, что и самый успешный интеграционный проект в Азии — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN, 1967) — это тоже продукт страха перед «наступлением коммунизма в Азии». И сегодня существование коммунистического Китая — второй/первой экономики мира, — очевидно, должным образом напрягает азиатские страны, не давая им расслабляться.

Латиноамериканская интеграция, начавшаяся в 1960 г., на семь лет раньше азиатской — Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (Asociación Latinoamericana de Libre Comercio, ALALC), Центральноамериканский общий рынок (Mercado Común Centroamericano, МССА), — шла, как известно, «ни шатко, ни валко». Там было, наверное, все за исключением этого самого конструктивного начала. То есть, и оно, конечно же, было (в лице США), но только какое-то родное и привычное, не казавшееся особо опасным. Страх латиноамериканцев перед Вашингтоном исторически то усиливался, то ослабевал. Однако стоит обратить внимание на то, что наивысшую степень единства они демонстрировали, как правило, в тех структурах, где сталкивались с Соединенными Штатами один на один по наиболее острым экономическим и политическим проблемам, например, в институтах межамериканской системы.

Сегодняшний мир дает много оснований для страха, но бояться самого этого чувства не стоит. Задача людей — не поддаться панике, а постараться использовать чувство самосохранения для преодоления нарастающих трудностей. В этом мы видим смысл развития *вопреки*, как, пожалуй, наиболее продуктивного способа развития, который отвечает особенностям природы человека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ А.М и л л е р, Ф.Л у к ь я н о в. Отстраненность вместо конфронтации. — Россия в глобальной политике. М., 2016, № 6, с. 8. [A.Miller, F.Lukianov. Otstranennost' vmesto konfrontatsii] [Desengagement instead of confrontation]. Rossiya v globalnoi politike, 2016, N 6, p. 8.

² См.: Б.Ф.М а р т ы н о в. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее?». М., ИЛА РАН, 2015, с. 60—84. [B.F. Martynov "Zapad" y "Ne-Zapad": proshloye, nastoyashee,...budushee?"] ["West" and "Not-West": Past, Present...Future?"] Moscow, ILA RAN, 2015, p. 60—84.

³ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. М., 2012; [Strategia natsionalnoi bezopasnosti Rossii do 2020 goda] [Strategy of National Security of Russia until 2020]. Moscow, 2012; National Strategy of Defence of Brazil. Brasília, 2008.

⁴ Б.Ф.М а р т ы н о в. Страны БРИКС и концепции международного права. — Международные процессы. М., 2016, № 1, с. 26—37. [B.F. Martynov Strany BRICS y kontseptzii mezh-

* Мы могли бы охарактеризовать нынешнюю русофобскую политику Европы как «ложь во спасение», если бы это понятие не было столь одиозным, ведь «ложь во спасение» — это не только *ложь*, но еще и *трусость*, которая, по словам Михаила Булгакова, есть «самый большой порок».

dunarodnogo prava] [The BRICS countries and the Conceptions of International law]. Mezhdunarodnye protsessy, 2016, N1, p. 26—37.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. [Kontsepczia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatzii [Conception of the Foreign Policy of Russian Federation]. — Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJ... (accessed 22.12.2026).

⁶ А.М и л л е р, Ф.Л у к ъ я н о в. О р. cit., p. 41.

⁷ См.: Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. Латиноамериканский вектор. М., Наука, 2006. [Transgranichnyi terrorism. Ugrozy bezopasnosti I imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichastva. Latinoamerikanskii vector] [Trans-national Terrorism. Threats to the Security and Imperatives of the International cooperation. Latin American Vector] Moscow, Nauka, 2006.

Boris F.Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Dr. (Politology), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, the MGIMO University.

Latin America: New Times, New Perspectives

Abstract. The article deals with the new transitional period in international relations, into which the Latin American countries enter along with the rest of the world. This period will be characterized by high rates of political instability, almost total informational permeability and the broadened political performance of the new social strata. In this conditions the Latin American countries, independently from their “left” or “right” political orientations, will acquire new importance for the Russian foreign policy interests.

Key words: transitional period in international relations, Russian – Latin American relations